
Лара Барох
Главная роль
актрисы-попаданки

Лара Барох

Главная роль актрисы-попаданки

https://litres.ru/73987416
SelfPub; 2026

Аннотация

Была заслуженной артисткой Советского Союза — стала попаданкой в Серебряный век. Ничего, я и здесь буду служить в театре. Но почему меня не хотят принимать в труппу?

Подумаешь, сбежала с гусаром. Да, мы тайно обвенчались, а моя семья отвернулась от меня. Ну и что? Давайте забудем прошлое и будем жить дальше.

Да, и заберите уже от меня этого ребенка. Ну и что с того, что она дочь покойного мужа? Так не от меня же — от любовницы.

#Бытовое фэнтези
#Без магии
#Попаданка в Российскую империю
#Прогрессорство
#Приключения
#Счастливый финал

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	62
Г	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Лара Барох
Главная роль актрисы-попаданки

Глава 1

Глава 1

— Убил! Загубил ирод окаянный голубку мою сизокрылую!

Я вздрогнула всем телом, когда над ухом истошно, пугающе завопила баба.

— Жива? — Тот же голос, но уже без истерики и надрыва. — За дохтуром посылайте. Кузьмич, где ты, черт глухой? Беги за дохтуром! Аннушка наша, кажись, жива.

Грудь сдавило, словно плиту каменную на меня положили. Я закашлялась, тело пронзила острая боль, и я постаралась перекатиться на бок и подтянуть ноги к животу. В этой позе мне всегда становилось лучше.

Но вот незадача. Тело словно сковано. Такие же ощущения, я помню, были, когда для съемок на меня корсет надевали. Но сейчас я в дачном кооперативе «Актер» в городском округе Истра, заслуженная артистка СССР на заслуженном отдыхе. Голова закружилась, и я присела на кресло. Помощ-

ница по хозяйству вышла полить цветы. Кто смеет нарушать всеобщий покой? Надо будет председательше выговор сделать.

Между тем старуха, судя по шепелявому шепоту, по-детски ворковала возле меня:

— Красавица ненаглядная, потерпи малость, придет дохтур, даст порошков, и полегчает тебе.

Мне, как заслуженному работнику культуры, «дохтур» резал слух.

Я приоткрыла глаза и открыла было рот, чтобы сделать внушение, да тут же и обмерла. Что за место? Я лежу на полу в заставленной антикварными вещами гостиной. Этажерка, канделябр, вся обстановка выдержана в стиле помещичьей усадьбы. Единственное, что относилось к мещанству, — обои в мелкий цветочек. Надо бы перекрасить в пастельные тона, тогда и картины в массивных рамах станут активно работать как элемент декора.

Стоп! Но это не моя дача! И стук копыт лошадей, раздающихся с улицы, — у нас в дачном поселке лошадей сроду не водилось.

А старуха эта, что называет меня красавицей, наглухо повязала на голове черный платок и сама какая-то… деревенская.

Но больше всего мне досаждал корсет. Судя по всему, это все же он.

— Развяжи, — я смогла выдавить лишь одно слово.

Лучше бы не просила. Одним броском, невзирая на мои завывания от боли, старуха перевернула меня на живот и начала копаться за спиной.

Уткнувшись носом в пыльный ковер на полу, я не знала, что и думать. А когда старуха справилась с корсетом, вместе с воздухом рванули воспоминания.

Память показала меня маленькой девочкой, вокруг куча нянек, все приветливо улыбаются, соперничают за мое внимание, а я вредничаю, пытаюсь от них сбежать. Надоели.

Затем я постарше, рядом худая высокая женщина в чопорном платье учит меня, как держать приборы. Постепенно в моей жизни появляются и другие, обучают меня манерам, языкам, кажется французскому и английскому. Но ни в какую школу я не хожу, обучение происходит дома.

Мелькнуло лицо бабки, что сейчас кудахчет надо мной, она, утирая платочком глаза, издали крестит меня.

Дальше я подросток, вместе с остальными детьми подглядываю в щелочку двери за гостями на балу. Балы несколько раз в год проходят в нашем доме. Дамы роскошно одеты, свет свечей гаснет на фоне украшений гостей. Играют музыканты, дамы и кавалеры чинно танцуют, другие, прикрыв лицо веерами, разглядывают гостей, сплетничают, столы ломятся от яств. И я ловлю себя на мысли, что самым заветным моим желанием является попасть туда, к ним.

И вот моя мечта исполниляется! После долгой подготовки я с матушкой и отцом отправляюсь в гости к Воронцо-

вым. Мой первый бал! Я самая красивая. Все взгляды прикованы исключительно ко мне, женщины перешептываются: «Какая завидная невеста», мужчины склоняются в поклоне, и тут я вижу его! Красавец, гусар, скандально известный в обществе, а оттого особо манящий — Серж Богатов.

Мы с Сержем в церкви. Обряд венчания, но из гостей только его друг и та самая старуха. Она горестно плачет.

На пороге моего дома мы с Сержем падаем в ноги моему отцу и сообщаем о своем тайном венчании, просим прощения и благословения. Отец хмурится, за его спиной матушка в слезах. И вместо благословения он кричит, что лишает меня приданого, выгоняет из дома и запрещает там появляться.

Серж крепко закладывает, снял дом, но не появляется в нем. А когда приходит, грубо меня отталкивает. А как же все его слова о вечной любви и обожании? Я плачу все дни напролет.

И последнее, что помню: Серж возвращается домой поутру, смотрит сквозь меня стеклянным глазами и сообщает, что проиграл все, что у него было. Следом хватает пистоль, стреляет в меня, а затем бросается по лестнице в свой кабинет. Теряя сознание, я слышу выстрел.

Глава 2

Глава 2

О боги — Станиславский и Немирович-Данченко! Вы послали мне возможность вновь выйти на сцену жизни? Самое заветное желание, что может лелеять в своей душе актриса на пенсии. Неважно, как такое возможно и долго ли продлится этот чарующий сон. Я сыграю свою лучшую роль!

— Луша… — Имя всплыло из воспоминаний. — Доложи, что происходит!

— Ирод в тебя, ненаглядную, стрелял, да корсет тебя уберег. А потом поднялся к себе в кабинет, и того.

Она смотрела с опаской, выжидая мою реакцию.

— Говори как есть.

— Плакать станешь, голубица моя?

Вот еще, если бы не ломота в грудине, я бы в пляс пустилась. Обняла бы старуху и закружила. Счастье-то какое! Окунуться в гущу событий! В меня стреляли, приключения только начинаются! Я даже мечтать о таком не могла!

— Обещаю.

— Пустил пулю себе Серж в голову. Насмерть, — опустила голову старуха.

— В таком случае, нужно вызвать службу эвакуации умерших да заняться похоронами. Поручаю это тебе.

Старуха приоткрыла рот от удивления.

— Так ведь на то деньги требуются.

— Ну, возьми. Где они у нас хранятся?

В памяти, пришедшей ко мне вместе с глотком воздуха, никаких подробностей на этот счет не было. А кстати, чья это память?

И предвидя ее следующий вопрос, я сказала:

— Сколько можно мне на полу лежать? Помоги подняться и… — Я осмотрела комнату. — Вон в то кресло меня усади.

Едва я уселась, держась за нещадно болящую грудь, послышался стук копыт на улице, и стих он у нашего дома. По дорожке, шурша, будто она из гравия, кто-то прошел и, войдя в дом, громко позвал:

— Есть кто?

Мужской голос. Я кинула вопросительный взгляд на старуху. Она понимающе кивнула и зашаркала ко входу. Вскоре в комнату вошли два красавца-гусара. Яркая форма, кителя, перекинутые через плечо, тонкие усики над верхней губой. Рослые, статные мужчины.

— Анна Сергеевна, нас уже поставили в известность. Выражаем вам глубочайшие соболезнования.

А? Залюбовавшись на гостей, я не сразу уловила суть разговора. Ах, этот… Мне до него и дела нет. Сломал дурочке жизнь, да еще посмел стрелять в нее. Я бы его тело вообще на помойку выкинула, жаль, нельзя.

Так что я опустила глаза, уронила голову на грудь и залилась слезами. Умеем, практикуем, а тут и случай подходя-

щий подвернулся.

Красавцы в один прыжок оказались у моих ног. Упали на правое колено — какая сцена! сплошное любование! — и наперебой принялись меня утешать.

Из их слов я почерпнула главное: расходы на похороны командир приказать взять на их… где они служат? Полк? Да мне, собственно, и неважно. Главное — расходов и забот мне меньше.

Поревев для порядка пару минут, я потянула руку за любезно протянутым мне платком, да так и застыла в изумлении. Ладонь узкая, белоснежная, совершенно детская. Подарки богов продолжаются? Да как такое возможно? Впрочем, я подумаю об этом позже.

Взяла платок и промокнула глаза.

— Господа, я так несчастна!

Нейтральные фразы. Никакой конкретики. Им пока хватит, а я подумаю, как вести себя в дальнейшем.

— Анна Сергеевна! Остаться с вами?

— Нет, я хочу побыть одна.

Кроме того, мне нужно все хорошенько обдумать.

— Серж запятнал свою честь, стрелявши в вас… Вскоре приедет наш полковой доктор, осмотрит вас… — Слово взял другой гусар. Говорил он заикаясь и, судя по бегающим глазкам, что-то явно пытался скрыть. — Анна Сергеевна, позор упадет на всех нас. А это… лучше бы стреляться.

— Чего вы хотите?

Так они объясняться могут до вечера. А у меня дела намечены.

— Не рассказывайте никому о том, что Серж в вас стрелял. Прошу!

— Я могла бы согласиться, но после его смерти мне какое-то время придется самой себя обеспечивать… — Я опустила глаза и тяжело вздохнула.

— Деньги не проблема. Мы привезем завтра утром. Слово чести! — положили они правые руки на грудь.

— Мне так жаль, что Серж не подумал о чести полка в ту страшную минуту. Но я обещаю: если ваш доктор осмотрит мои раны бесплатно и если ваших извинений, тех, что вы обещались привезти завтра, будет достаточно для поддержания мной привычной жизни какое-то время, я никому не расскажу об этом жутком происшествии.

Я говорила медленно, печальным голосом, низко склонив голову. Господа должны понимать, что меня в большей мере волнует их честь. А деньги? Даже неприлично такое вслух произносить.

— Тело Сержа заберем вскорости.

— Благодарю вас.

На этом господа ушли, и все мы, как мне показалось, остались довольны результатом.

— Луша, принеси мне попить и зеркало.

Хорошие новости заглушили боль в грудине, и я страстно мечтала увидеть свое новое лицо.

Хотя, если быть честной, для хорошей актрисы, а я, несомненно, таковой являюсь, внешность не играет особой роли. Талант и годы обучений — вот что важно. А этого у меня с избытком.

Глава 3

Глава 3

В ожидании старухи я собой восхищалась и себе рукоплескала. Мысленно, конечно. Час как пришла в себя в Серебряном веке, а уже столько проблем решила. Вот она, смекалка женщины, прожившей жизнь, куда со мной местным тягаться.

Планы на будущее я представляла четко. Первое: во что бы то ни стало помириться с семьей. Да, сглупила, с кем не бывает. Я все же не чужая им. Пусть накажут, согласна, заслужила. Но главное — воссоединиться со своими. Папá у меня купец второй гильдии, весьма состоятельный человек. Владеет мануфактурой в Нарве, имеет долю в каменоломнях Финляндии, а столицу сейчас активно одевают в гранит. Еще пара лет, и батюшка перейдет в первую гильдию, а это уже миллионы. Непростительно терять связь с такой семьей.

Второе: сидеть на шее у родителей не по мне. Я пойду служить в театр. Насколько я помнила, полноценных курсов театрального мастерства в Российской империи как таковых не существовало. Да, на сцене блистали звезды, но, пардон, надо же кому-то выступать. Их я и за коллег не считаю. Нет у них основательного, базового образования, нет моего опыта, я все же актриса сотен ролей, тысяч масок.

Ну а потом — слава! Сначала в империи, затем передо

мной распахнет двери весь мир. Позор застрелившего мужа и тайное венчание, вопреки всему, сыграют мне на руку. Придадут этакий флер таинственности. Застрелился от избытка чувств, не смог любить сильнее, жутко ревновал ко всем. Чем не леденящая душу история? Публика такое любит.

Ну а потом… Горячие романы, брак, а может, и не один. Возможность удивлять, восхищать, ловить завистливые взгляды… Быть музой поэтов и художников! Высшее блаженство.

Вошедшая старуха подала мне небольшое зеркало, из тех, что носят с собой в сумочках, а из него на меня смотрела прехорошенькая молодая женщина. Длинные русые волосы собраны вокруг головы. Чистейшая белоснежная кожа. Слегка вздернутый носик и алые пухлые губки. Краше и представить невозможно.

— Аннушка, надо бы одежду заказать.

Да! Мне непременно нужен новый гардероб. Но вначале следует пройтись по салонам, посмотреть, что входит в моду. А то я потрачусь, а буду выглядеть мещанкой. Мода столь быстротечна, а, просиживая дома, я совершенно упустила этот момент. Вернее, не я, а та милочка, чьи воспоминания и тело мне достались.

— Завтра привезут деньги, похожу по магазинам, приглядываюсь к нарядам, тогда и закажу. Пока подожду.

— Так в траур следует незамедлительно облачиться, —

огорошила меня старуха.

Траур? Это черные скромные одежды на три года? Не хочу!

— С трауром я, пожалуй, повременю.

— Да как же так? Али сразу в монастырь надумала?

Совсем бабка умом тронулась? Какой монастырь?! Заживо себя, такую красивую и талантливую, хоронить? Нет, ее понять можно. Она же не знакома со мной. Помнит ту дурочку, что повелась на сладкие речи смазливого гусара. А как впоследствии выяснилось, он надумал поправить свое положение — и денежное, и в обществе — за ее счет. А отец возьми, да выгони обоих. Отсюда и охлаждение в отношениях, и загулы, и стрельба. Дурной человек. Ну и хватит о нем.

— Ни о каком монастыре и не думай. Завтра же упаду в ноги папеньке, слезами горючими вымолю его прощение.

Старуха долго на меня смотрела, словно изучала.

— Так ведь не простит Сергей Никитич. Ужо сколь к нему хаживала.

— Пустое с тобой спорить, — махнула я на нее рукой.

Ее слова только расстраивали, а для моей тонкой душевной организации это вредно.

— Как доктор от гусар придет, проведи ко мне.

Приказала я и прикрыла глаза. Утомилась, надо отдохнуть.

Затем поднялся шум — приехали за телом покойного. Топали сапогами по лестнице, меня звали проститься с ним.

Вот еще. Покойников я всегда сторонилась. А этот мне и вовсе чужой.

Я сослалась на недомогание и не пошла. Пусть сами хоронят, без меня. Сколько им потребуется на подготовку дней? Вот именно столько я и буду соблюдать постельный режим.

К семье, правда, нужно сходить, покаяться. С другой стороны, за три дня ничего не изменится. А я здоровее стану.

Позвала Лушу, попросила помочь раздеться и легла отдыхать. Грудь все же болела. Додумался же? Стрелять в собственную жену! Но ничего, деньгами его сослуживцы заплатят за этот проступок.

Не успела я задремать, как пришел доктор. Пожилой мужчина невысокого роста в штатском. Единственное, что указывало на его принадлежность к армии, это прямая спина, грудь колесом, развернутые плечи и гордо поднятый подбородок.

— Соболезную, Анна Сергеевна. Невосполнимая утрата коснулась нас всех, — вместо приветствия обратился он ко мне с порога.

— Вы совершенно правы, — поддержала я беседу.

И, шмыгнув носом, приложила к сухим глазам платочек того красавца гусара. Оставила у себя как воспоминание о приятной встрече.

Доктор внимательно посмотрел на платочек — ах да, на нем вышиты инициалы «АВ», — но ничего не сказал.

Затем долго и дотошно осматривал меня, просил перевер-

нуться, щупал шею и грудную клетку.

— Великое изобретение — женский корсет. Словно кираса, защитил вас, сударыня. Китовый ус и саблей не всегда перебить можно.

— Да, но все равно я испытываю невыносимые мучения. Полную грудь воздуха набрать не могу.

— Анна Сергеевна, это ушиб. Пройдет через пару недель. Ребра целы, кровью вы не харкаете, следовательно, легкие не повреждены. Спаслись чудом. Но хорошо бы вам на воды съездить, поддержать здоровье.

А ведь это мысль! Нет, пока не устрою дела с семьей и театром, ни о каких водах и речи быть не может. А уж потом, возможно, даже зимой. А зимой их посещают? Память услужливо подсказала, что нет. Зимой весь свет веселится на балах в столице. Ну, значит, следующим летом.

Доктор перед уходом оставил мазь, натирать мне грудь, и порошки на тот случай, если появится кашель. Обещал зайти через день.

Луша заботливо намазала меня ух какой вонючей и липкой мазью. Укутала в теплую шаль, напоила теплым травяным чаем, и я отдалась в руки Морфею.

Глава 4

Глава 4

Наутро боль усилилась, и у меня отпала нужда имитировать недомогание. Я лежала, и слезы злости на Сержа катились из глаз. Сколько это со мной продлится? Жаль, ох как жаль терять каждый день из этой прекрасной жизни. Мне бы не болеть, а порхать и завоевывать сердца! Вместо этого я корчусь от боли.

Еще и гусары с деньгами никак не являлись. Да, я знаю, что визиты раньше полудня не приняты, этикет. Но мне же интересно, в какую сумму они оценят мое молчание. Да и свои деньги лучше хранить при себе, а не у чужих.

Съедаемая болью и волнением, я загоняла старуху. Принести ведро отхожее, выглянуть в окно — гусары не едут? Отвары поднести. Посидеть рядом, намазать грудь мазью. Обезболивающего, к сожалению, нет. Луша, как мне подсказала память, оказалась моей кормилицей. Ее оставили в доме в качестве благодарности на несложных работах. А влюбившись в Сержа, я уговорами и слезами заставила ее присутствовать на венчании. Оттого ее и выгнали вместе со мной.

Вот с улицы послышался долгожданный стук копыт, затем шаги в садике и наконец голоса в доме. Вчерашние красавцы присели возле моего ложа на предварительно выставленных стульях и затянули разговор о погоде. Скучно, господа.

А вот сплетни оживили и потешили меня. Суздальцевы сговорились с Мильчентовыми о помолвке. Смогли все же свою деву с лошадиным лицом пристроить в добрые руки.

Старший сын Нифонтовых Павлуша, который, помнится, оказывал мне знаки внимания, стрелялся на дуэли с Петром Сальцом. Убил последнего, был посажен в Петропавловскую крепость под арест, ждет высылки на Кавказ в качестве наказания.

Княжна Парамонова сбежала с сыном князя Мирлова. Помню обоих. Страшненькие, тихие, подобралась пара. Тайно обвенчались, вернулись, и родители их приняли. Простили и благословили. Но здесь все понятно. Все же они равны друг другу по статусу. Потерпели бы год-два и устроили обычную свадьбу. Эх, молодежь, все им невтерпеж.

Мой брак, безусловно, оказался неравным. Гусар в обществе воспринимали пренебрежительно: гуляки, драчуны, скандалисты. На роль мужей для дев высшего общества, к коему относилась я, они никак не пригодны. Оттого папенька воспринял мое замужество как оскорбление.

Ну и главная новость столицы — проигрыш в карты и самоубийство моего мужа. Ее обсуждали все, начиная с извозчиков и заканчивая высшим светом. Еще не улегся шум со дня нашего венчания: две недели всего минуло, а тут в продолжение такое…

У маменьки наверняка еще предыдущие слезы не высохли, и вот новое потрясение. Ну до чего дурная дева до ме-

ня в этом теле пребывала. Сама бы ее по щекам отхлестала за такие проделки. Натворила дел, опозорилась перед всем светом, а мне предстоит восстанавливать репутацию.

— Анна Сергеевна, похороны Сержа состоятся завтра, без отпевания, конечно… — гости наконец перешли к конкретике. — Вышлем за вами карету.

— Не стоит, господа. Мне бесконечно жаль, но состояние моего здоровья резко ухудшилось. Если вчера я еще могла вставать, то сегодня боли усилились. Не присылайте карету. Как поправлюсь, сама к Сержу на кладбище съезжу.

Гусары согласились со мной, что не следует утружать мой организм сильнее. Столько потрясений! Хватило бы на десятерых!

Ну и наконец перешли к главному: деньги. Один из них дал мне огромный по размерам конверт, но на ощупь словно пустой. Может, там просто крупные ассигнации? Второй же протянул бумагу.

— В ту злополучную ночь Серж выиграл, да расписка упала на пол, оттого он про нее позабыл и не поставил на кон в итоге.

Я взяла лист бумаги, на котором значилось, что обладатель сей расписки, Серж Богатов, отныне становится новым владельцем усадьбы под городом Семеновском в Нижегородской губернии. К усадьбе прилагается деревня с тридцатью душами, два надела земли и лес. Ниже подпись и вчерашняя дата.

Нижегородская губерния — это вообще в России? Да шучу я. Давала там спектакли. Тридцать душ, это, я так понимаю, крепостные. Весьма скромное обладание. И к чему мне оно? Вовек я не собиралась прозябать в такой глуши. Наоборот, использовать свою великолепную жизнь на полную катушку.

Я покрутила расписку в руках и отложила. Выбросить всегда успею. Сколько меня ждет впереди подобных подарков от страстных почитателей моего таланта? Без счета! Поэтому пусть останется как предвестник моей роскошной и богатой жизни.

— Благодарю вас, господа, — произнесла я и слегка прикрыла глаза.

Разговор закончен, я в страшном недомогании, пусть идут.

И гусары правильно отреагировали на мое поведение. Поднялись, засуетились, обещали навещать и поддерживать, за сим удалились. Наконец-то. При них неудобно было вскрывать конверт с деньгами. Я все же придерживалась принятого в обществе мнения, что деньги — это такая пошлость. Главное — честь.

Дрожащими руками я открыла конверт и вытащила оттуда… одну сторублевую ассигнацию. Всего?! Проверила тщательнее — пусто.

Безобразие! Во столько вы, господа, оцениваете честь своего полка? Смешно!

Вечные бессребреники, только и способны на то, чтобы дурить головы молодым барышням! Ну а командир куда смотрел? Я рассчитывала на сумму никак не меньше пары тысяч. Сто рублей! Просто издевка! Насмешка!

Мне даже платье приличного не справить, не говоря уже про шляпку, сумочку, веер, парасоль. Форменное безобразие!

Глава 5

Глава 5

Злость, кипящая во мне, способствовала выздоровлению. Отныне я могла рассчитывать только на себя.

А как было бы славно набрать номер одного из ценителей моего таланта. Ласково поинтересоваться его новостями, вздохнуть, что со временем стали реже встречаться, а потом на его закономерный вопрос, не нуждаюсь ли я в чем, как бы нехотя или, наоборот, в шутливой, игровой форме поделиться своей проблемой. И понесутся неведомые помощники, начнут звонить кому надо, говорить правильные слова, восхвалять мой талант и просить отдать должное, заслуженное, что полагается актрисе.

Я поднялась с постели на третий день. Следует признать, еще и слова Луши здорово меня подстегнули. Оказывается, Серж снял этот дом на месяц. Сейчас шла третья неделя. Уже приходили от хозяина и спрашивали про оплату. На мой вопрос «сколько?» старуха виновато отвела взгляд.

— Триста пятьдесят рублей просили.

Безобразие, откуда такую цену выдумали? Грабеж средь бела дня в столице Российской империи!

— В другой раз придут, скажи, что продлевать не будем. Доживем положенное и съедем.

Этот вопрос решили. Осталось понять, куда мы съезжаем.

Здесь Луша права. Я, то есть та, что наворотила делов, через день ходила к родным, плакала и умоляла сжалиться над ней и ее выбором. Но в ответ получало неизменное: «Нет! Возвращайся откуда пришла».

Утром я решительно приказала готовить мне туалет. Оделась, Луша тщательно причесала мне волосы. Я надела перчатки, без них из дома выходить не принято. Прихватила парасоль и задумалась. Чего-то мне не хватает…

Ну конечно! Украшения! Только вот влюбленная дурочка все свои драгоценности отдала мужу. Разве так можно? От мужчин следует принимать подарки, а уж никак не дарить. Дарить следует внимание, улыбки, взгляд...

Вот скажите мне, почему ее голову забили различными науками, языками, а элементарных вещей туда не вложили? Еще и обвиняют после этого. Прямо сказать, немного непорядочно это.

Вот вернусь, перерою вещи покойного в надежде, что позабыл он о какой-нибудь заначке, припрятал, да отвлекся на другое.

А сейчас вперед, вымаливать прощение. Пешая прогулка пойдет мне на пользу, на дворе середина июля, но, учитывая расположение Петербурга, удушливой жары ждать не приходится, скорее под дождь бы не угодить.

— Аннушка, меня-то подожди! — окликнула Луша уже в дверях.

Ах, я совершенно упустила из вида, что молодой деве,

впрочем как и возрастной, невозможно появиться на улице одной. Примут за гулящую. Из дома следует выходить либо в сопровождении служанки, либо старшего мужчины.

Мысленно я поставила себе заметку вечером вернуться к памяти и внимательно изучить все нюансы, чтобы впредь не попадать впросак. Мне предстоит большая работа по возвращению себе доброго имени. Глупости остались в прошлом. В чужом прошлом.

Погода на улице стояла чудесная, после ночного дождя влага испарилась, а вот свежесть осталась. Дышать полной грудью у меня по-прежнему не получалось, еще и корсет причинял страдания, но до чего приятно гулять по Петербургу, когда нет выхлопных газов от автомобилей и автобусов! Определенно, этот город сам по себе дарит исцеление.

Вот только туфли… Узкие, закрытые, с неудобной колодкой, словно на одну ногу. Дом, в котором я жила, находился на окраине, а родной дом в центре. Путь не близкий, но и денег на извозчика лишних нет.

Но когда боль заглушила жадность, я сдалась, и, заплатив два рубля, мы с Лушей добрались до родного гнезда. Бабка тут же начала причитать и плакать. А я хозяйским жестом потянула ручку двери, и тут на пороге мне преградил путь Степан. Он служил у нас дворецким.

— Простите, барышня, не велено пускать, — с поклоном, но вместе с тем твердо заявил он.

— Батюшку позови, поговорить нам надобно.

— Сергей Никитич строго-настрого наказали не допускать вас до него.

С этим я согласна. Папá обладал крутым нравом. А вот матушка…

— Тогда Елизавету Петровну зови, — не отступала я.

— Так ведь нет их. Уехали в загородное имение под Петергофом.

Как я могла забыть? Действительно, летом мы перебирались либо туда, либо в Гатчину. Правда, в Петергофе у нас собственное имение, а вот в Гатчине приходилось снимать.

Воспоминания нахлынули полноводной рекой: зеленые пригорки, южный берег Финского залива, влиятельные соседи рядом, с детьми которых я, собственно, и выросла.

Это все определенно следует вернуть.

— Анна Сергеевна, голубушка, прошу, уходите. Как прознает ваш батюшка, что вы порог переступали, так исполнит угрозу — прогонит меня. А куда старику податься?

Только о себе и думает. А мне вот через неделю вообще станет негде жить.

— Уйду. Подскажи, как мне его будто бы невзначай увидеть, поговорить.

Слуги, вопреки расхожему мнению, посвящены во все планы хозяев.

— В любое время у него в конторе.

Нет, срочно, первым делом мне следует изучить память. Папá действительно дома дел не вел. У него для этого суще-

ствовала торговая компания. В здании компании размещались клерки, и там же он собственной персоной принимал себе подобных. Бывало, выезжал на переговоры, не без этого. Но секретарь четко знал время его появления.

Кроме того, прогнать дочь в слезах на глазах работников он постесняется. Честь превыше всего. Ни один скандал не должен быть виден посторонним. А мне, актрисе, все нипочем. Что же касается репутации… Простите, но падать ниже мне уже некуда. Разве что взять лопату и углубить дно.

Глава 6

На сегодняшний день я достаточно перенесла унижений. Постояв перед закрытыми дверями родительского дома, решила возвращаться домой.

Но не смогла пройти мимо кондитерской Вайсмана. Лучшее пирожные во всей столице. Мне они просто необходимы для скорейшего выздоровления. Я зашла и купила, не глядя, на десять рублей. Дорого, но память подсовывала воспоминания о неземном блаженстве вкуса. А деньги? Не стоит преувеличивать их важность. Главное — удовольствие от жизни.

Луша только тяжело вздохнула и покачала головой, когда я расплатилась и подхватила коробку пирожных, перевязанную розовой лентой.

Сил на пешую прогулку не осталось, и пришлось расщедриться на извозчика. Деньги таяли на глазах. Срочно! Немедленно искать, что можно продать, и уже завтра идти к папá, а после в театр. Настало время.

Все негативные воспоминания унесло сладкой ароматной волной, когда, едва вернувшись, я приказала подать себе чай с пирожными. Высшее блаженство. А то все каша да каша. Надо бы Луше выговор сделать: негоже меня так кормить. Питание должно быть разнообразным, сочетать правильные пропорции белков, жиров и углеводов. А не одни злаки.

— Вот ты, Аннушка, на пирожные потратила целое состояние, а я на эти деньги могла бы неделю тебя вкусно потчевать. Колбасы ливерной прикупила бы или кровяной. Суп жирный приготовила.

Луша не смолчала и попрекнула меня деньгами. Глупая старуха. Для настроения не нужна мне ее ливерная колбаса. Хочу одних пирожных со взбитыми сливками.

— Будут у нас деньги. Вот сейчас поднимусь в покои Сержа и, увидишь, непременно их найду.

Противная! У меня только улучшилось настроение, и надо же было ей сунуться со своей колбасой. Обустроюсь и найму другую служанку. Лушу, конечно, не прогоню, куда она на старости лет пойдет. Но общения с ней буду избегать. Скучная старуха, привязанная к простым человеческим желаниям, как, например, вкусно поесть. А надо думать о высоком! Жить эмоциями и чувствами. Порхать по жизни, удивляя и восхищая всех вокруг. Вот как надо!

Я фыркнула и поднялась в кабинет Сержа. А там… бурые капли повсюду, и запах такой неприятный, и воздух спертый… Ой, нет. Не нужно мне самой ручки белые марать.

Спустилась, приказала помочь меня раздеть, да и прилегла отдохнуть на кровать. А на поиски сокровищ отправила старуху. Пусть бурчит подальше от меня.

Пока тело блаженно принимало передышку, голова работала с утроенной силой. Я обратилась к воспоминаниям и тщательно подмечала даже самые мелкие детали этикета. Я

должна ничем не выделяться из местных, не глазеть по сторонам, чувствовать себя уверенно и спокойно при разговоре… да хоть с самим государем императором. А для этого я должна вспомнить.

И еще. Мне нужен список всех театров столицы, с их характеристиками. Попутно с примирением мне следует делать шаги к своей мечте, главной цели в новой жизни. Легко не будет, просто не может такого быть. Жизнь театра я прекрасно знаю изнутри. Постоянные войны за главные роли среди ведущих актрис. Но мне с моим багажом будет проще. Некоторые капканы я с успехом обойду.

Ранжирование театров не представляло сложности, следовало заполучить место непременно в труппе Императорских театров. Они подчинялись непосредственно императорскому двору, содержались за его счет и имели покровительство со стороны монарших особ. То, что нужно!

Эрмитажный театр — верх почета любой актрисе оказаться в его труппе. Но конкуренция там… Всякий норовит пристроить свою фаворитку или фаворита. Военным действиям на этой сцене наверняка позавидует любой военачальник. Может, не стоит мне без поддержки и рекомендаций идти напрямую туда? Отказ больно ударит по моему самолюбию.

Следующий по значимости — театр русской драмы. Пусть рангом слегка пониже, но драма — это мое предназначение! Ах, как великолепно я умею ее играть. Может, с него начать?

Театр русской оперы и балета, пожалуй, мне не подойдет,

я не танцующая и не поющая актриса. Снялась в паре водевилей в свое время и поняла — не мое.

Театр французской музыкально-драматической труппы, ну не знаю… Языком я владею в полной мере, но, опять же, музыка… Подумаю.

В Малом театре давали французские и русские оперетты. Даже время тратить на него не следует. Равно как и на Большой Каменный театр. Здесь давали итальянскую оперу, руководил театром приглашенный итальянец. Он, в свою очередь, выписывал актеров из Италии. Пусть поют на русской земле для всеобщего удовольствия.

Балетный оставлю Ксешинской и Павловой. Им прославлять русский балет. Да и не одной же мне блистать на сцене. В театральной среде подруги могут сыграть важную роль.

На этом, собственно, все. Частных театров с размахом, труппой, репертуаром и успехом не существовало априори. Правда, во многих богатых домах ставили представления в так называемых домашних театрах. Но корпоративы и частные выступления я буду посещать, когда обрету славу. Пока эти варианты я совершенно не рассматривала. А повторить судьбу жены графа Шереметева не настроена.

Вернувшая вскоре Луша принесла кучу исписанных листов.

— А деньги? Драгоценности? — отложила я бумаги в сторону.

— Так ведь промотал все. Своего-то у него отродясь не

водилось. А я недоглядела, просмотрела, как ты ему все свои драгоценности отдала.

— Ну, хорошо. А может, из личных вещей есть что продать? Одежду, оружие?

— Все вынесли вместе с телом.

Крохоборы! Ну ничего, я еще что-нибудь непременно придумаю. А пока почитаю письма.

И едва взгляд заскользил по строчкам, как волосы на голове встали дыбом. Это были любовные послания от некой Мари. В них она весьма откровенно описывала свои чувства, воспоминания о прошедших свиданиях. Но худшим было то, что она рассказывала, как подрастает их дочь!

У этого, простите, козла, на стороне была любовница и дочь? Жаль застрелился. Новая я устроила бы ему грандиозный спектакль!

Глава 7

— Негодяй, подлец! — Я орала и рвала доказательства измены на мелкие кусочки.

Загубил молоденькой дурочке жизнь, а сам не отказался от привычной жизни, продолжая встречаться с любовницей.

Это в высшей мере бесчестно! Нельзя, невообразимо обманывать того, кто заведомо слабее тебя. Со мной все предельно ясно, но в данном случае вся вина лежит на нем. И даже не думайте меня переубеждать!

Я, то есть та, что натворила дел, воспитывалась в атмосфере высшего света. Ей и близко было невдомек, что есть предательство и обман. Сущий ребенок. Как он посмел загубить ее жизнь? Животное!

На шум прибежала испуганная Луша и пустилась в слезы:

— Так и знала, что горюшко черное накроет тебя. Господь лишь отсрочил срок.

— Да какое горюшко? О чем ты? Вот! Письма! — Я сгребла в охапку то, что от них осталось, и швырнула в старуху. Будто она была виновата.

— Любовница ему писала! Ребенок у них, понимаешь? Да я его после этого ненавижу! И ноги моей на его могиле не будет.

Старуха отвела взгляд. А ну-ка? Что скрывает?

— Так ведь я говорила тебе о том. Только энтот поклялся,

что порвал с ней, а ты и поверила.

О боги — Станиславский и Немирович-Данченко! За что?

Следом пришла мысль: а кто еще знал про любовницу? Сослуживцы? И молчали, покрывали подлеца. Значит, разделили с ним позор. На порог больше не пущу. Поганое ведро на голову надену.

Наверняка еще кто-то знал. Эта, как ее там… Мари держала ли язык за зубами? Небось в открытую смеялась надо мной. Напрасно. Отомщу и забуду навек!

Злость! Вот что поднималось внутри смертоносной волной. Знакомо. Когда меня обуревали такие эмоции, даже режиссеры прятались по углам. Ух, страшна я в гневе. Сама себя боюсь, потому как, не подумав, дел могу наворотить…

Я вспомнила, затихла, но это лишь внешнее проявление. Меня ждут серьезные перемены, и эта ярость только на руку. Когда внутри вот так клокочет, исполнение роли выходит феерично!

— Принеси зеркало!

— Бить будешь? — с опаской отозвалась Луша.

— Не буду. Неси.

Я передумала. Воссоединение с семьей один день и подождать может. В таком состоянии я сыграю одну из своих лучших ролей и уже завтра буду принята в труппу Императорского театра.

Луша боязливо протянула мне зеркало. Итак, начнем!

Эмоции, которые выражало мое прежнее лицо, я знала в полной мере. Как изобразить гнев, страдания, смертельный страх, да вообще все. Могла бровью повести, и мужчина из несговорчивого, упрямого превращался в ласкового котенка.

Сейчас у меня другое лицо. Несомненно, эмоции неодинаково отражаются на разных лицах. И у меня есть остаток вечера и ночь, чтобы научить свое лицо остро, правильно выражать свои желания.

Все, понятное дело, я не успею, на то нужно много больше времени. Но все мне завтра и не потребуются. Как построить свою речь, я уже продумала. Нужно быть веселой, яркой, запоминающейся. Поменьше говорить языком, больше глазами. И просить, чтоб мне дали показать свое умение. Много времени не потребуется. Пять минут вполне хватит, чтобы захватить внимание художественного руководителя театра. А дальше он позабудет обо всем и будет просить лишь об одном: чтобы моя игра не останавливалась.

Мимика «деревянная», но я раз за разом меняла выражение лица и тщательно запоминала ощущения. В этом и состоит главное мастерство актрисы.

Роли я помнила наизусть, с этим проблем не возникнет.

Промучившись до позднего вечера, я устало откинулась на подушки. Я готова.

После помылась, расчесала волосы, а на ночь заплела их в косу, чтобы не спутались. Осталось дотерпеть до утра и дать

своему таланту вырваться наружу.

Утром я сделала гимнастику для лица. Повторила перед зеркалом эмоции и осталась довольна собой. Затем прикрыла глаза и, ухватив воспоминание о похождениях мужа, начала терпеливо, скрупулезно поднимать свой боевой дух. И когда почувствовала, что он достаточно боевой, приказала Луше помогать мне одеться.

Затем вновь траты на извозчика. Стертые ноги после вчерашнего болели. Да и не могу я, будущая звезда, явиться в театр пешком.

Доехала до театра русской драмы, расплатилась и, приказав Луше прекратить охать и интересоваться, зачем мы здесь, дернула двери. Не парадные, конечно. Кто их днем будет держать открытыми? Обошла здание, нашла дверь для актеров и вошла внутрь.

В нос ударил до боли знакомый запах ветхих тканей, мебели, лака, дерева. Мое! Как я скучала по нему! Лучший в мире аромат! Запах славы, почитания и денег.

— Госпожа, вы к кому? — преградил мне путь здоровенный детина.

— К директору театра.

— Как вас представить Антону Вильгельмовичу?

Признаться, я даже не надеялась на такое везение. Летом труппа находится в отпусках. Застать кого-то в театре невообразимая удача. И она явно на моей стороне.

— Анна Сергеевна Лисицына, — не задумываясь, я на-

звала девичью фамилию.

Надо будет продумать и вернуть ее себе по документам. Я не намерена прославлять фамилию изменщика.

Охранник подал знак другому, и тот торопливо ушел. В ожидании я уже праздновала победу. Мне повезло застать директора на рабочем месте. Сейчас он пригласит меня к себе, начнет неторопливую беседу, станет восхвалять и возвеличивать свой театр. Я буду восхищенно ему рукоплескать и расточать комплименты его умному руководству, недюжему таланту. Буду подчеркивать, что процветание театра русской драмы лишь его заслуга. Единоличная.

Расположу его себе, и когда перейдем к сути моего визита, мне останется только ярче, мощнее его хвалить.

Вернулся второй и произнес короткое:

— Не велено пускать.

Глава 8

— Вы ничего не перепутали?

Первой моей реакцией было недоумение.

— Пропустите, я сама объяснюсь с Антоном Вильгельмовичем. Вы, должно быть, что-то не так передали.

— Все так, барышня. Про вас вся столица судачит, никак невозможно вас перепутать. — с сарказмом и явной издевкой ответил тот, что ходил к директору. Затем переглянулся с первым, и оба громко заржали.

Смешно? Ну я сейчас вам устрою!

Я сощурила глаза, чуть растянула губы в полуулыбке и начала говорить медленно, вкрадчиво, с каждой новой фразой все сильнее повышая голос.

— Вы-то, небось, удельные крепостные? — уперев руки в бока, я сделала крошечный шаг вперед. — Сами себе не принадлежите, равно как и дети ваши. — Я сделала следующий шаг. — А я купеческая дочь от рождения! Принадлежу к высшему свету! — топнула я ногой. — Размолвка с семьей случилась? Да ваше ли это псово дело? Вы и такие, как вы, — пыль у меня под ногами. Как рассорилась, так и обратно вернусь. Кровь не водица! Но я уже запомнила ваши мерзкие рожи и, поверьте, такого унижения вам не спущу. Биты будете. Обещаю! А еще отправитесь куда-нибудь на задворки империи. Да хоть к моему батюшке в финские каменоломни.

Так и знайте!

Последнюю фразу вместе с вылетевшими, пардон, слюнями я выкрикнула им в лицо. И они струхнули. Попятились, переглянулись и низко, в пол поклонились, шепча при этом слова извинения.

Заметьте, и это я без репетиции выдала, импровизировала! Ах, я и правда великая актриса!

— Браво, сударыня! Вы великолепны! Даже я, признаться, несколько напуган вашими угрозами.

Я обернулась на голос. В приступе ярости и не заметила, как в небольшой холл вошел господин в прекрасно сшитом летнем костюме, с тростью в одной руке и шляпой в другой. Он изобразил аплодисменты и чуть склонил голову в приветствии:

— Эрнест Дмитриевич Немолявич. Секретарь комиссии Императорского кабинета в части театров, — произнес он на французском.

Мое внимание молниеносно перенеслось на этого приятного господина. Зачем мне директор, если я могу получить протекцию и, возможно, рекомендации от человека с более высоким рангом.

— Анна Сергеевна Лисицына, — представилась я тоже по-французски, присела в реверансе, впрочем, не очень глубоком. Я по статусу выше его.

По глазам видела, что он прекрасно знает, с кем имеет дело, но ответил поклоном. Благородный человек! С таким

приятно иметь дело.

На этом Эрнест Дмитриевич решил, что знакомство закончено, но я посчитала, что оно только началось, и поэтому с обворожительной улыбкой преградила ему путь.

— Эрнест Дмитриевич, не откажите выступить рефери в моем споре с Марией Петровной… впрочем, неважно. Как вы считаете, что более наполняет и восхищает душу — драма или балет?

Морщинка между его бровей разом разгладилась. Он думал, я буду просить о помощи? Непременно буду, но вначале следует его расположить к себе.

И секретарь уверенно шагнул в умело расставленный мной капкан. Он начал с того, что милостью Его императорского величества нам предоставлена возможность погрузиться в мир искусства. Разнообразить свои серые будни, прожить вместе с героями спектаклей множество жизней, прочувствовать их страхи и триумфы. В общем, говорил секретарь самозабвенно, по всей видимости, он искренне горел театром.

Затем я осторожно подвела его к вопросу лучшей сцены столицы, лучшей актрисы, и вот когда он полностью расслабился и потерял контроль над ситуацией, смело заявила:

— Позвольте и мне стать частью этого восхитительного мира. — И, не давая ему опомниться, стала предлагать посмотреть меня на сцене. Сцепив руки на груди и напуская на лицо моляще-просящее выражение.

— Анна Сергеевна, я уже имел честь видеть вас в гневе. И признаться, меня поразила глубина чувств, масштаб, с которым вы выговаривали охране. Но, видите ли, ваш неоспоримый талант не играет ровно никакой роли на фоне происходящего.

Ну вот, опять он про сплетни в Петербурге. Хорошо же все начиналось. Зачем он дурное вспомнил?

— Эрнест Дмитриевич, люди пошумят и забудут, к тому же окончательного решения от семьи я не получила и после этого визита намерена направиться напрямую к папá. Смею вас заверить, уже до конца недели мы с семьей воссоединимся.

Я говорила четко, уверенно, это не пустые обещания, это, можно сказать, свершившийся факт. Осталась сущая формальность — разговор с родителем.

Но, судя по лицу секретаря, он не разделял моего оптимизма.

— Анна Сергеевна, видите ли… Императорский театр стоит на незыблемых принципах, таких как уважение, честь, склонение перед монаршей семьей. Наши театры посещают лучшие люди империи, и при этом с семьями. Нередки случаи визита и высочайших особ. Приняв вас в труппу, мы таким образом поддержим вас и выступим против основ самодержавия. Уверяю вас, разразится грандиозный скандал, вплоть до закрытия театров. А этого допустить никак не возможно.

— Но я могу выступать в гриме…

Не сдаваться! Я уверена, что это не окончательный отказ.

— Сударыня, разве можно скрыть маской сам факт пребывания вас в труппе? — усмехнулся он.

Здесь соглашусь. Актерская среда питается сплетнями как никакая другая. Живет ими.

— Мой вам совет: воссоединитесь с семьей, начинайте посещать балы и светские приемы. А уже ближе к зиме приходите наниматься в труппу.

Немолявич протянул мне свою визитку. Ну, что я говорила! Мне выписали аванс! Дело за малым — помириться с папá.

— А уж если этого не случится, лучшим будет для вас покинуть столицу, ибо здесь вы не сможете вести привычную вам жизнь. И прошу меня простить за столь резкое высказывание, — поклонился он.

И, обогнув меня, скрылся за спинами охранников.

Глава 9

— Вы ничего не перепутали?

Первой моей реакцией было недоумение.

— Пропустите, я сама объяснюсь с Антоном Вильгельмовичем. Вы, должно быть, что-то не так передали.

— Все так, барышня. Про вас вся столица судачит, никак невозможно вас перепутать. — с сарказмом и явной издевкой ответил тот, что ходил к директору. Затем переглянулся с первым, и оба громко заржали.

Смешно? Ну я сейчас вам устрою!

Я сощурила глаза, чуть растянула губы в полуулыбке и начала говорить медленно, вкрадчиво, с каждой новой фразой все сильнее повышая голос.

— Вы-то, небось, удельные крепостные? — уперев руки в бока, я сделала крошечный шаг вперед. — Сами себе не принадлежите, равно как и дети ваши. — Я сделала следующий шаг. — А я купеческая дочь от рождения! Принадлежу к высшему свету! — топнула я ногой. — Размолвка с семьей случилась? Да ваше ли это псово дело? Вы и такие, как вы, — пыль у меня под ногами. Как рассорилась, так и обратно вернусь. Кровь не водица! Но я уже запомнила ваши мерзкие рожи и, поверьте, такого унижения вам не спущу. Биты будете. Обещаю! А еще отправитесь куда-нибудь на задворки империи. Да хоть к моему батюшке в финские каменоломни.

Так и знайте!

Последнюю фразу вместе с вылетевшими, пардон, слюнями я выкрикнула им в лицо. И они струхнули. Попятились, переглянулись и низко, в пол поклонились, шепча при этом слова извинения.

Заметьте, и это я без репетиции выдала, импровизировала! Ах, я и правда великая актриса!

— Браво, сударыня! Вы великолепны! Даже я, признаться, несколько напуган вашими угрозами.

Я обернулась на голос. В приступе ярости и не заметила, как в небольшой холл вошел господин в прекрасно сшитом летнем костюме, с тростью в одной руке и шляпой в другой. Он изобразил аплодисменты и чуть склонил голову в приветствии:

— Эрнест Дмитриевич Немолявич. Секретарь комиссии Императорского кабинета в части театров, — произнес он на французском.

Мое внимание молниеносно перенеслось на этого приятного господина. Зачем мне директор, если я могу получить протекцию и, возможно, рекомендации от человека с более высоким рангом.

— Анна Сергеевна Лисицына, — представилась я тоже по-французски, присела в реверансе, впрочем, не очень глубоком. Я по статусу выше его.

По глазам видела, что он прекрасно знает, с кем имеет дело, но ответил поклоном. Благородный человек! С таким

приятно иметь дело.

На этом Эрнест Дмитриевич решил, что знакомство закончено, но я посчитала, что оно только началось, и поэтому с обворожительной улыбкой преградила ему путь.

— Эрнест Дмитриевич, не откажите выступить рефери в моем споре с Марией Петровной… впрочем, неважно. Как вы считаете, что более наполняет и восхищает душу — драма или балет?

Морщинка между его бровей разом разгладилась. Он думал, я буду просить о помощи? Непременно буду, но вначале следует его расположить к себе.

И секретарь уверенно шагнул в умело расставленный мной капкан. Он начал с того, что милостью Его императорского величества нам предоставлена возможность погрузиться в мир искусства. Разнообразить свои серые будни, прожить вместе с героями спектаклей множество жизней, прочувствовать их страхи и триумфы. В общем, говорил секретарь самозабвенно, по всей видимости, он искренне горел театром.

Затем я осторожно подвела его к вопросу лучшей сцены столицы, лучшей актрисы, и вот когда он полностью расслабился и потерял контроль над ситуацией, смело заявила:

— Позвольте и мне стать частью этого восхитительного мира. — И, не давая ему опомниться, стала предлагать посмотреть меня на сцене. Сцепив руки на груди и напуская на лицо моляще-просящее выражение.

— Анна Сергеевна, я уже имел честь видеть вас в гневе. И признаться, меня поразила глубина чувств, масштаб, с которым вы выговаривали охране. Но, видите ли, ваш неоспоримый талант не играет ровно никакой роли на фоне происходящего.

Ну вот, опять он про сплетни в Петербурге. Хорошо же все начиналось. Зачем он дурное вспомнил?

— Эрнест Дмитриевич, люди пошумят и забудут, к тому же окончательного решения от семьи я не получила и после этого визита намерена направиться напрямую к папá. Смею вас заверить, уже до конца недели мы с семьей воссоединимся.

Я говорила четко, уверенно, это не пустые обещания, это, можно сказать, свершившийся факт. Осталась сущая формальность — разговор с родителем.

Но, судя по лицу секретаря, он не разделял моего оптимизма.

— Анна Сергеевна, видите ли… Императорский театр стоит на незыблемых принципах, таких как уважение, честь, склонение перед монаршей семьей. Наши театры посещают лучшие люди империи, и при этом с семьями. Нередки случаи визита и высочайших особ. Приняв вас в труппу, мы таким образом поддержим вас и выступим против основ самодержавия. Уверяю вас, разразится грандиозный скандал, вплоть до закрытия театров. А этого допустить никак не возможно.

— Но я могу выступать в гриме…

Не сдаваться! Я уверена, что это не окончательный отказ.

— Сударыня, разве можно скрыть маской сам факт пребывания вас в труппе? — усмехнулся он.

Здесь соглашусь. Актерская среда питается сплетнями как никакая другая. Живет ими.

— Мой вам совет: воссоединитесь с семьей, начинайте посещать балы и светские приемы. А уже ближе к зиме приходите наниматься в труппу.

Немолявич протянул мне свою визитку. Ну, что я говорила! Мне выписали аванс! Дело за малым — помириться с папá.

— А уж если этого не случится, лучшим будет для вас покинуть столицу, ибо здесь вы не сможете вести привычную вам жизнь. И прошу меня простить за столь резкое высказывание, — поклонился он.

И, обогнув меня, скрылся за спинами охранников.

О боги — Станиславский и Немирович-Данченко! Я твердо убеждена, что во всей этой истории, случившейся со мной, не обошлось без вашего вмешательства! Я чувствую ваши подсказки на каждом шагу.

От осуществления заветной мечты меня отделяет совсем немного: сложный разговор с родителем и полгода времени. Но что такое полгода по сравнению с тем обожанием публики, которое мне уготовано?

Что же касается отца. Я прошла путь к славе один раз, и

он далеко не всегда был усыпан цветами. Поэтому к сложностям я готова, главное, у меня есть цель и даже первый покровитель.

С отцом до того говорила глупая девчонка. Ну что она могла ему сказать? Какие доводы привести? Совсем другое дело я, прожившая жизнь. Положа руку на сердце, я считаю, что такого безобразия спускать юной девушке нельзя. И в этом я целиком и полностью на стороне отца. Только вот сейчас в ее теле я, поэтому свою сердечную позицию отложу до лучших времен.

Засунув в корсет, ближе к сердцу, заветную карточку — мой пропуск в мир искусства, я направилась к отцу. До обеда еще есть время, боги за меня, и не буду предугадывать события, но что-то мне подсказывает, что эту ночь я проведу в родном доме. В роскоши, к которой привыкла.

Секретарь отца поднялся из-за стола при моем появлении.

— Анна Сергеевна, вам бы не следовало…

— Федор, — я прервала его на полуслове, — папá у себя? Один?

Я решительно взялась за ручку двери и одарила его величественным взглядом.

— Да, один, проходите… — обреченно выдохнул он.

То-то же, а то моду взяли учить меня, что делать. Я к родному отцу иду, не к чужому дядьке.

Отец сидел за столом и просматривал бумаги. Крепко сбитый еще молодой мужчина, правда, голова вся в серебре, и

это выдавало его возраст.

— Доброго дня, папá, — произнесла я по-французски и склонила голову в реверансе.

Он поднял взгляд от бумаг, нарочито внимательно меня осмотрел и наконец пригласил присесть.

Совершенно спокойный, уравновешенный мужчина. Чернильницами не кидается, а что вид усталый, то это объяснимо большой нагрузкой в работе. Уверена, у нас получится конструктивный разговор двух взрослых людей.

— Я слышал новость, что твой муж застрелился. Но это ничего не меняет.

А мужчина-то конкретный! Не стал ходить вокруг да около. Мне импонируют такие.

— Папá, за эти две недели я поумнела. Сейчас перед тобой не та девочка, что болтала глупости и играла в саду. Перед тобой взрослая женщина, резко возмужавшая за столь короткий срок. У меня изменились приоритеты, и то, что раньше я считала пустяком, само собой разумеющимся, данностью мне по рождению, сейчас для меня высшая ценность. Не стану перекладывать вину за содеянное на кого-либо. Вся она целиком и полностью лежит на мне. Признаю и горячо раскаиваюсь. Ах, как бы мне хотелось со своими сегодняшними знаниями вернуться на три недели назад. Все бы за это отдала. Одно твое слово — и я покорно, с опущенной головой приму любое наказание, ибо заслужила и вынесу его с честью, чему ты меня и учил. Молю только об одном: дай

мне шанс исправить свою ошибку. Позволь доказать, что я в полной мере осознала, что натворила. Не прогоняй меня, папá.

Говорила я уверенно. Не торопилась, четко проговаривала каждое слово, делала паузы в нужных местах. И, надо отдать должное, отец, откинувшись на спинку кресла и сцепив руки в замок на животе, ни разу меня не прервал. Выслушал со всем вниманием.

— Сейчас я вправду вижу перед собой взрослого человека.

Внутри я начала очень осторожно разворачиваться, чтобы пуститься в пляс.

— Твои слова ничего не решают. Второй шанс я тебе не предоставлю. Как взрослая женщина, ты должна понимать, что твой поступок отразился на всей нашей семье. Прими я тебя обратно, мои компаньоны посчитают меня чересчур мягкосердечным, покладистым. Мое сотрудничество с ними здорово осложнится. А я этого не хочу. У меня семья, дети. Кроме того, ты подумала о братьях и сестрах? Кто согласится породниться с нами после твоей выходки? Порог нашего дома перестанут переступать, и общество для нас отныне окажется закрытым. Возможно, я и сгущаю краски, но этому научила меня жизнь. Лучше слегка перестраховаться, чем выпустить контроль из рук.

Жизнь покидала меня по капле при его словах. Причем я прекрасно видела, что отец не угрожает. Он проговаривает

уже свершившийся факт. Спокойно, без крика и оскорблений, он уже все решил. И изменить, повернуть вспять невозможно. Нет такой силы во всем мире.

Бесполезно приводить доводы, биться в ногах, резать вены. Не поможет. Я молчала, и лишь хрустальные слезы катились из глаз. Я оплакивала себя и свою мечту.

— Позволь дать тебе совет: уезжай отсюда навсегда. Найди себе мужа, устройся, заведи семью и никогда не напоминай ни мне, ни маме о себе. Я надеюсь на твое благоразумие. Либо уходи в монастырь. Возможно, это будет даже лучшим решением для тебя. Но не ищи больше встречи со мной. Ты вынудишь меня к более решительным действиям, и, Бог свидетель, я их выполню.

Отец молчал, я беззвучно плакала, но он не гнал меня. Еще минуту. Останусь, побуду живой, потому что после того, как выйду на улицу, жизнь для меня закончится.

Отец потянулся к сейфу, достал оттуда пачку ассигнаций и положил на стол ближе ко мне.

— Уходи.

Глава 10

После разговора с отцом я умерла. Осталась биологическая оболочка, которую, словно куклу, таскала за собой Луша. Внутри меня ничего не осталось.

Боги! Зачем вы подарили мне новую юную жизнь и так жестоко отобрали все остальное? Вам ли не знать, что единственное мое самое страстное желание — театр.

Да и не умею я ничего другого. Кофе сварить могу, яичницу пожарить. А тот же суп или каша для меня недосягаемы в умении. С тех пор как ко мне пришла слава, в доме всегда жили помощницы. Готовка, уборка, поддержание моего гардероба — все на них. Отдельный человек занимался моим расписанием и лишь подсказывал: «Сегодня выступление в театре, завтра вылетаем на съемки в Одессу».

Для чего я здесь? В самом роскошном периоде Российской империи, среди выдающейся плеяды живописцев, поэтов, скульпторов, музыкантов? А я осталась за бортом этой блестящей жизни.

Как я устроюсь в этом мире, если совершенно ничего не умею? Ни кабачки выращивать, ни изобретать что-то полезное для общества.

Я пролежала поленом несколько дней. Луша не отходила от меня. Все что-то требовала: то поесть, то обтереться влажным полотенцем. Даже откуда-то принесла мои люби-

мые пирожные. Но я при виде их горестно разрыдалась. Отныне и навеки такая еда не для меня. Все это нужно забыть, отказаться от нарядов и общения с образованными людьми. Впредь мой удел — простые сарафаны, потому что дешевые, и такая же простая еда. Все кончено!

Но это не было концом, а лишь его началом. Потому что в один из дней я услышала суету в доме.

Луша отчаянно кого-то выпроваживала, а та, другая, проявляла настойчивость, и все чаще я слышала в их перебранке свое имя.

Подозрение черной змеей шевельнулось внутри. Но я должна проверить, и если это она… Горько поплатится за то, что посмела явиться ко мне.

Я села на кровати, голову слегка кружило, но ярость и тренированные эмоции взяли верх. Я накинула домашний халат и поспешила на шум.

Открывшаяся картина лишила меня рассудка. На пороге моего дома стояла молодая черноволосая женщина в наряде по моде, в изящной шляпке с вуалью, точеная фигура. И рядом с ней ребенок, девочка. Эта профурсетка имела наглость раз за разом требовать встречи со мной.

— Позовите Анну Сергеевну. Я сама с ней поговорю. Ничего передавать не надо, — долдонила она.

А моя Луша стеной стояла и не пропускала нахалку.

— Ты! Блудница! Дрянь подзаборная! Как посмела ты явиться ко мне! После того, что вы сделали с моей жизнью на

пару с этим кобелем. Берегись! Живой ты отсюда не уйдешь!

Завизжав, я в один миг оказалась перед любовницей и вцепилась руками в ее гладко уложенные волосы.

Уколы от шпилек даже не почувствовала. Вот кто мне сейчас заплатит за все. Двумя руками я таскала орущую от боли любовницу своего мужа из угла в угол. Хорошо бы вырвать у нее все волосы, чтобы не красовалась, не портила жизнь другим. Каторги я не боялась, я уже ничего не боялась. Мертвых не напугать.

Ребенок только мешал. Выродок, она рвала на мне подол халата, кусалась, гадина, била кулачками и что-то гневно кричала.

Я оттолкнула мелкую и, согнув ногу, начала наносить удары ее матери. За волосы наклонила ее и целилась коленом в лицо. Сломать нос в щепки, разбить губы, ослепить ее навек!

Когда та в бессилии упала на пол, я решила добить, задушить и потянулась окровавленными руками к горлу, но проклятая старуха меня оттащила.

— Отпусти, убью! — орала я на нее.

— Не надобно того. Наказала и хватит. Не бери, горлица, грех на душу, — причитала Луша и тащила меня все дальше от поверженного врага.

Девчонка продолжала меня колотить и даже плевать. Я оттолкнула ее ногой. Она оглянулась и кинулась к бездвижно лежащей матери.

Наши с Лушей силы оказались неравны, и, несмотря на

мое неистовство, она увела меня в спальню, окатила водой из кувшина и уложила на кровать.

— Не губи себя, девонька.

— Какая я тебе девонька… после брака-то…

— Так не прикоснулся к тебе энтот… Как батюшка вас выгнал, так он и отвернулся от тебя.

Хорошо это или плохо? Да какая мне сейчас разница!

Главное — я отомстила змее. Это ведь была она? Ну а кто еще может нанести мне визит? Отныне я изгой общества. Надеюсь, гадина долго не сможет показываться на люди. Пластики же еще не существует.

Холодная водица подействовала, и я села на кровати, пытаясь собрать мысли в кучу. Меня давным-давно, в другой жизни, учили: если жизнь дала трещину или вовсе катится в пропасть, вот как у меня сейчас, не следует погружаться в отчаяние еще глубже. Самое действенное в этот момент — правило одного дня. Мне нужно прожить только этот день. Завтра наступит другой, и я буду о нем думать. Завтра.

Утрированно, конечно, но я подошла к проблеме взвешенно и с холодной головой. Оставаться в столице не следует. Здесь каждый камень напоминает о позоре, да и любой может меня унизить, оскорбить. Кроме того, жизнь в столице мне не по карману. Папа дал пачку денег, но с сегодняшнего дня я буду бережливой хозяйкой. Почти все умеют экономить, и я научусь. Будет новая грань моего таланта.

Уеду в Нижний, там у меня имение. Жить есть где. Кре-

постные будут носить мне еду. Они ведь для этого предназначены? Сейчас лето, поправлю пошатнувшиеся нервы, успокоюсь и непременно найду решение. Люди везде живут. Я знаю французский и английский языки, обучена правилам этикета. Могу давать уроки. Уже неплохо! Я стойкая, меня не сломить.

И только я продумала план, как взгляд упал на карточку, что подарил секретарь императорских театров. И я горько разрыдалась.

Глава 11

Утром пришла Луша.

— Не узнаю я тебя, ягодка ненаглядная.

Старуха присела рядом с кроватью и не отчитывала, скорее умоляла меня о разъяснениях.

— Будто подменили тебя, раньше кроткая была, все пела и танцевала, глаз радовала, а сейчас будто чужая кто в тебе.

Не хватало мне еще со старухой объясняться.

— Натворила делов, вот разом и повзрослела. Ты лучше делом займись, — перевела я разговор. — Аренда дома на днях закончится. Будем собираться и съезжать.

— Куда же? — всплеснула старуха руками.

— Серж в ту злополучную ночь выиграл имение под Нижним Новгородом. Под городом Семёновском деревня, тридцать душ крепостных. Туда и поедем. Кстати, поищи, расписка где-то здесь у меня завалялась.

Старуха враз переменилась в лице. Обрадовалась, раскудахталась, нашла расписку, разгладила ее бережно руками и протянула мне:

— Она?

— Да. Иди собирайся. И узнай, на чем нам туда добраться.

— Все сделаю, любимица моя. А ты пока отдыхай, ненаглядная. Уезжаем, значит… Слава Богу.

Перекрестившись на иконы, что стояли на полочке, ста-

руха вышла. Вот и хорошо. Устала я от ее опеки, и ладно бы по делу, а то все причитает, крестится и ревет. Не конструктивно.

Спустя примерно час сияющая старуха заглянула и отчиталась о том, что пошла узнавать все про предстоящую дорогу.

— Кузьмича-то заберем с собой?

Я вспомнила, что это бородатый столетний старик, что отпросился у моего отца и последовал за Лушей. Любовь у них или какая родня, я не вникала.

— Заберем. Своих не бросаем!

Старость нужно уважать. Раз он проявил смелость и ушел за мной, значит, я впредь в ответе за Лушу и за него.

— Вот и славно. Втроем всяко веселее будет. Ты не думай, Кузьмич рукастый. Он обузой не станет, — чересчур весело откликнулась старуха и поспешно ушла.

Ну а я повздыхала, перевернулась на другой бок, да и заснула. Я сейчас на руководящей должности. Мне силы нужны.

Когда проснулась, увидела рядом с собой Лушу в состоянии побитой собаки. Голова опущена, вздыхает, от прежнего веселья и следа не осталось. Ну что опять стряслось? Поспать не дадут.

— Говори.

— Пополнение у нас.

— Какое еще пополнение? Хватит загадок, рассказывай

все подробно.

— Ругаться станешь.

— Тогда молчи.

Вот ведь послали боги помощницу.

— А как тут молчать, если пополнение у нас.

Нет, я ее сейчас ударю. Шутка, конечно. Но я начинала закипать.

— Луша, мне сейчас не до расшаркиваний. Сама знаешь, в каком… в общем, мою ситуацию. Прошу, не добавляй мне проблем, — закончила я мягко и даже погладила старуху по морщинистой руке.

— Так они сами… того… добавились.

— Хватит говорить загадками! — прикрикнула я на нее.

Луша вместо того, чтобы начать бодро мне рапортовать, встала, подошла к иконам и начала читать молитву. Совсем старуха умом тронулась. Сдается мне, легко с ней не будет в дальнейшем.

Вернувшись на свое место, она разгладила подол черного платья, глубоко вздохнула и начала:

— Распрощалась, значит, я с тобой, ненаглядная моя, и пошла до извозчика узнавать, как нам в Семёновск тот добраться. Он послал меня к ямщикам, что меж городами ездиют. Так вот дошла до них. А уже они и рассказали, что добираться до Новгорода больше тысячи верст. Вначале на Москву, а там уже напрямки. Но можно и по воде, правда, дорога займет несколько недель, но ежели пожелаешь, я все

узнаю.

— Ой, нет. Давай с ямщиками. Сколько возьмут за проезд?

— Нас четверо, знать-то, целую кибитку и займем…

— Нас трое.

Странная старуха, то заговаривается, то нет.

— Пополнение у нас. Я же тебе говорила.

Ну вот опять.

— А ну рассказывай, что за пополнение?

— Все по порядку. Узнала я, значит, в дороге они останавливают на почтовых дворах на ночь для отдыха. А утром снова в путь. Обещали, что дней за десять доберемся. А там от Новгорода до Семёновска этого рукой подать.

Нет, старуха не двинулась умом. Она явно меня забалтывает. Чую подвох всем нутром.

— Ну а как узнала, я домой воротилась.

Старуха стала говорить медленнее, опустив голову и тщательно избегая встречаться со мной взглядом.

— Захожу, значит, в садик наш и вижу, на крыльце дитя сидит, а рядом саквояж.

— Что еще за дитя? Уж не вчерашний ли это выродок?

У меня волосы встали дыбом. Я подскочила и начала нащупывать халат. Сейчас я им устрою! Добью и со спокойной совестью уеду в свое имение.

— На дите вины нет. Господь нам то заповедовал.

Угадала. Любовница подсунула свою дочь мне. Совсем бе-

рега попутала? Я ведь не поленюсь, узнаю ее адрес и вытряхну душу поганую из тела.

— А кто виноват в том, что меня обманули? Влюбили в себя и рассорили с семьей? Скажи-ка мне.

— Как бы то ни было, на дите вины нет. Вот, тебе передали, — Луша протянула мне конверт.

Я торопливо вытащила из него письмо. Я хорошо помню этот почерк.

«Анна Сергеевна!

Бог свидетель, но мне на кого больше рассчитывать. После кончины Сержа мы с Лизонькой остались без средств к существованию. И мне понадобиться время, чтобы устроить свою жизнь и встретить подходящего мужчину. А после того, что вы вчера учинили… Но я клянусь, не стану доносить на вас в полицию.

А взамен позаботитесь о моей дочери. И чтобы окупить ваши расходы, прилагаю рубиновый браслет.

Обещаю, как только устрою свою жизнь, тотчас заберу Лизоньку к себе».

Глава 12

ААААА! Убью тварь!

Я засуетилась, села на постели, намереваясь пойти восстанавливать справедливость.

— Что в письме написано? — остановила меня Луша.

Я почти орала, когда перечитывала ей письмо.

— Отказалась, значит. Дай-ка мне бумажку. Пригодится.

Я швырнула ей на колени письмо и вспомнила про браслет. Как же могла позабыть? Вот что бешенство со мной делает. Но едва взглянула на украшение, завыла словно раненый зверь. Это мой браслет. Я с ним ушла из дома, а потом в приступе любви отдала этому прохиндею.

Ну сейчас… сейчас… малявка вылетит из моего дома и впредь дорогу позабудет.

— Ты куда собралась? — невинным голосом остановила меня старуха.

— А то ты не знаешь? Пойду этого кукушонка гнать прочь.

— Погоди горячиться. Присядь и припомни свои обещания, — не моргнув глазом, осадила меня Луша.

И тут я вспомнила, как та, другая, обливалась слезами, просила ее присутствовать на венчании, обещала горы золотые и все, что старуха только не попросит. И вот пришел срок платить по счетам. Глупая молодая курица! Никогда не

следует давать открытых обещаний. И что мне сейчас с этим делать?

Я послушно вернулась на кровать в ожидании. Впрочем, я уже догадывалась, о чем пойдет речь.

— Дитё ни в чем не виновато. И если послал ее Господь к нам, кто мы такие, чтобы оттолкнуть? Много ли ребенок съедает? Не обеднеем. А за ее спасение нас Боженька отблагодарит. Ты не серчай, Аннушка, но Лизоньку я прошу тебя оставить подле нас.

— Я с ней возиться не буду! — сдавая позиции, я поставила ультиматум.

— А со мной и не надо возиться. Я взрослая. Меня всему мама научила.

Белокурая малявка стояла в дверях, руки в боки и нагло при этом притоптывала ножкой.

— Как ты посмела подслушивать?! — от души рявкнула я на нее.

— Сами виноваты. Орали на весь дом.

— Даже не смей мне выговаривать. Лукерье ты обязана всем, в том числе и тем, что жива до сих пор.

— У тебя бы поднялась рука избить меня, ребенка, так же, как мою маму?

Признаться, я несколько опешила от столь рассудительных речей малявки. В той своей блестящей жизни детей у меня не было. Актерская жизнь ой как непроста. И главный выбор состоит в том, уходить со сцены ради детей или нет.

Год-полтора для нас огромный срок. В спину дышат молодые, наглые, готовые на все, чтобы занять твое место. Того и гляди, вернуться будет некуда. Поэтому для себя я выбор сделала в пользу карьеры.

И надо же такому случиться, в новой жизни карьеру у меня отобрали и всучили чужого, вражеского ребенка. Где справедливость? Боги, я к вам взываю!

Следом пришел если не испуг, то недоумение. Как с этой девочкой строить отношения? Сюсюкать мне противно. Говорить как со взрослой? Но она же ребенок.

— Сколько тебе лет? — Ничего не придумав, я перешла к нейтральным вопросам.

— Мне пять, а тебе?

— Не «тебе», а «вам». Разве тебя этому не учили?

— Так сколько? — пропустив нравоучение мимо, Лиза склонила голову набок и прищурилась. Изучает.

— Женщин о их возрасте спрашивать неприлично.

А я тоже умею не отвечать на вопросы.

И дальше, чтобы показать, кто в доме главный, я начала рассказывать про свои планы.

— Итак, слушай меня, девочка, внимательно и запоминай, повторять не стану. Сегодня и завтра мы усиленно собираемся, а послезавтра выезжаем в городок Семёновск, что под Нижним Новгородом. Там у меня имение, и мы будем в нем жить. Пока это все, что тебе следует знать. А сейчас иди.

Малявка открыла было рот, но Луша зашикала на нее и

указала на выход. Каково же было мое удивление, когда Лиза беспрекословно повернулась и ушла.

— Поручаю тебе заниматься ребенком. И пусть мне не досаждает, — приказала я Луше.

— Не будет, вот увидишь, она смышленая, забавная…

— Ну хватит. Иди, собирайся в дорогу.

Не хватало мне еще выслушивать, какой удивительный ребенок родила любовница от моего мужа.

Я откинулась на подушки, пытаясь собрать разрозненные мысли в кучу. Новая жизнь, крах еще не начавшейся карьеры, позор и, по сути, изгнание из общества и столицы. Мало? Так мне еще вручили на поруки дочь любовницы покойного мужа.

А вот если задуматься… Месяца два лицо у нее будет заживать. Сколько этой профурсетке понадобится времени, чтобы найти себе нового мужика? Месяц? Больше?

Может, напрасно я так расстраиваюсь? К зиме, я думаю, она устроит свою жизнь и заберет дочь обратно. Полгода? Да не вопрос! Луша за нее просила, следовательно, Луша и будет с ней возиться эти полгода.

Я же это время потрачу на свое восстановление. Буду гулять по собственному лесу, собирать грибы, правда, я в них не разбираюсь, но это же не повод их не собирать? Принесу домой лукошко, и пусть Луша перебирает.

Ягоды. Попрошу показать мне съедобные и буду наслаждаться экологически чистым продуктом из собственного, я

подчеркиваю, леса.

Может, там и река или озеро обнаружится? Вот и будет мне отдых на водах, как доктор советовал.

Потрачусь только на дорогу. Потом меня мои крестьяне будут кормить. Все забываю спросить у Луши, сколько мне папа денег отвалил. Но судя по внушительной пачке — никак не меньше тысячи. Для столицы сумма так себе. А для деревни — да я буду самой богатой помещицей в округе!

Вместе со здоровьем ко мне вернется возможность строить планы на будущее, и глядишь, к лету я начну их осуществлять.

И если бы кто-то мне в тот момент сообщил, что впереди меня ждет главная роль, совершенно не связанная со сценой, я бы наверняка его ударила. Стулом, например.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.